

ТИП КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В ДИСКУРСЕ: ВЕРИФИКАЦИЯ В РАМКАХ ЖАНРА

В.А. Митягина

Современный уровень исследований коммуникативных процессов и феноменов в разных контекстах современной антропологической парадигмы демонстрирует высокую эффективность междисциплинарного подхода. Изучение коммуникации в координатах «языковая личность – лингвокультурный концепт – дискурс» выступает в качестве конкретизации социокультурной триады «личность – культура – общество», а дискурс являет собой предмет исследования, позволяющий рассматривать герменевтический круг «взаимодополнительности»: коммуникативное поведение языковой личности отражает ее языковое сознание, детерминированное определенной констелляцией лингвокультурных концептов (см.: [2]).

В дискурсе в разных жанрах совершаются коммуникативные действия, совокупность которых составляет функциональную характеристику лингвокультуры в форме коммуникативного поведения этнокультурного сообщества. Выделение типа коммуникативного действия как методологического инструмента в исследовании коммуникации представляется необходимым в анализе коммуникации как социокультурного процессуального континуума.

Интенциональная характеристика, которая стала базовой в типологии социального действия М. Вебера [1, с. 607], первична для анализа коммуникативного действия в дискурсе, потому что схема действия обусловлена установками сценариев интеракций. Классифицировать коммуникативные действия в аспекте данной характеристики логично в пределах четырех типов.

Целерациональное коммуникативное действие основывается на четком осознании цели, отличается направленной соотносительностью с языковыми средствами, адекватными достижению данной объективной цели.

Ценностно-ориентированное коммуникативное действие основывается на вере в безусловную ценность данного действия, само-

достаточного и независимого от его возможных результатов. В отличие от целерационального, смысл ценностно-ориентированного действия заключается не в достижении внешней цели, а в подчиненности определенным «заповедям» и «требованиям», в следовании которым действующий индивид видит свой долг. Обозначение данного действия как ценностно-ориентированного, а не ценностно-рационального, как у М. Вебера, подчеркивает то обстоятельство, что следование ценностной установке в большом количестве случаев выходит за рамки рационального, реализует социокультурно обусловленную модель коммуникативного поведения.

Традиционное коммуникативное действие является обусловленным менталитетом процессуальным шагом обычного повседневного поведения людей, в котором существенную роль играет следование традиции, обычаю.

Аффективное коммуникативное действие зависит от эмоционального состояния действующего субъекта и совершается как демонстрация данного состояния.

Исследование институционального дискурса стало весьма популярным в современной коммуникативной лингвистике в силу того, что в институтах происходит своего рода «консервация» языка как средства «трансгенерационного» общения, как «ткани» культуры, потому что социальные действия осуществляются в их пределах как «типические». Ю.М. Лотман подчеркивал, что «культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются» [3, с. 6]. Интервью при устройстве на работу представляется достаточно интересной для верификации типов коммуникативного действия социальной интеракцией, потому что используемые в данном жанре делового дискурса языковые формы отличает высокая степень близости к параметрам «идеальной речевой ситуации» и «идеального говорящего» (Н. Хом-

ский), и дискурс как «поиск лучшего аргумента» (Ю. Хабермас) получает, таким образом, высшие степени идеализации всех параметров.

Интенциональную характеристику коммуникативного действия представляется необходимым дополнить некоторыми конституирующими коммуникацию оппозициями: такими являются, прежде всего, личностная или статусная (особенно значимая в институциональном дискурсе) маркированность действия, его вербализованность и невербализованность, а также перформативность и неперформативность. Отметим, что невербальный компонент интервью как коммуникативной интеракции описан в большом количестве изданий – умение быть правильно одетым и продемонстрировать соответствующие манеры играет весьма существенную роль в институциональной коммуникации в целом и для соискателя при приеме на работу в частности. В данной статье объектом анализа является вербальное оформление данной интеракции, которое создает максимальную часть социокommunikативного эффекта интервью.

Современные исследования коммуникативных процессов, которые, по критическому замечанию немецкого лингвиста У.А. Шмидта, сводятся к коммуникативно-прагматическим и теоретико-дискурсивным, до сих пор не сделали объектом изучения диалогические тексты, вербализующие интеракцию кандидата и работодателя/специалиста по подбору персонала, несмотря на несомненную актуальность построения теоретической модели коммуникации в данной сфере [4, S. 23]. Это, безусловно, связано с проблемой обеспечения необходимого для анализа текстового материала: собеседования проводятся конфиденциально, ни протокол, ни стенографические или аудиозаписи не доступны, даже если ведутся, поэтому формирование репрезентативного корпуса текстов весьма затруднительно по различным, в первую очередь правовым, причинам. Сложность получения речевых экспликаций компенсируется тем, что для анализа доступны оформляющие коммуникативные действия, в данном дискурсе – актуальная система правил поведения и набор используемых и рекомендуемых языковых средств. Данные такого рода – в огромном количестве печатных и электронных изданий, посвященных советам и

рекомендациям относительно поиска и устройства на работу. Анализ коммуникативных действий в собеседовании в форме вопросов и ответов проводится в их соотносительности с типом интервью, а в качестве материала выступают подобранные в немецкоязычных и русскоязычных электронных изданиях аналоговые варианты соответствующих языковых экспликаций.

Биографические собеседования строятся вокруг фактов из жизни кандидата, его прошлого опыта. В ходе такого интервью выражаются просьбы и задаются вопросы следующего плана:

*Расскажите о своей прошлой работе. // Почему Вы выбрали именно тот институт, в который поступили? // Erzählen Sie doch mal ein bisschen von sich!*¹

Цель интервьюера состоит вовсе не в получении фактической информации (кандидат все необходимое написал в резюме), а в желании обозначить свою ведущую позицию и добиться спонтанной реакции кандидата на спонтанный вопрос. Избираемая форма глагола соответствует конкретной задаче побудить кандидата осуществить самопрезентацию, и рассматриваемые как удачные краткие, по существу ответы должны реализовать причинно-следственную связь, которая может подчеркнуть возможности кандидата на работе в желаемой должности:

Я учился в политехе, но лекции по политэкономии были такими интересными, что второе высшее по специальности «Аудит» стало осуществлением мечты. // Ich war drei Jahre Prüfungsassistent bei einer WP-Gesellschaft und habe deshalb tiefen Einblick ins Controlling gewonnen. Deshalb wird es mir leicht fallen, mich in die vakante Position eines Controllers einzuarbeiten.

Данные предложения выражают целерациональные личностно-ориентированные коммуникативные действия, которые могут достаточно легко трансформироваться в аффективные, если кандидат «поддастся» на провокацию интервьюера и личностная ориентированность действия выйдет за рамки рационального. Таковым может быть актуализируемый именно в данном типе интервью решающий для перспективы кандидата вопрос о причине смены работы:

Warum bleiben Sie nicht bei Ihrer jetzigen/vorigen Firma? // Почему Вы решили искать другую работу? // Почему Вы ушли с последнего места работы?

Типичным, но неудачным, с точки зрения специалистов кадровых агентств, ответом на этот трудный целерациональный вопрос является следующий вариант:

Mit meinen Vorschlägen komme ich nicht durch. Mein Chef gibt mir keine Chance. Außerdem werde ich schlechter bezahlt als die meisten Kollegen. // Было сложно проявить себя, начальству инициативные не нужны. Да и зарплата не устраивала.

Недостаток ответа такого рода заключается в том, что он выдает нытика, лишённого пробивных качеств, что проявляется в отсутствии подлежащего, выраженного формой первого лица. Кроме того, интервьюеру вряд ли понравится критика бывшего руководства, поэтому такой целерациональный ответ большинством консультантов-рекрутеров признается как «дискредитирующий» соискателя. Достижению глобальной цели кандидата – получению работы – такой ответ вряд ли послужит, поскольку прямота в данном случае говорит вовсе не об умении естественно себя вести, а о неумении устанавливать причинно-следственные связи и выражать их с помощью соответствующей синтаксической структуры. Гораздо более адекватным цели данного действия является ориентированный на перспективу вариант ответа, еще раз демонстрирующий мотивацию кандидата, в котором активны функции форм личного и притяжательного местоимения:

Ich suche neue Perspektiven. Die Möglichkeiten bei Ihnen bestehen bei meinem jetzigen Arbeitgeber nicht. // Я хочу делать то, что я могу. На Вашем предприятии в данной должности я вижу для себя перспективу профессионального роста.

Такой ответ может стать шагом к успеху, потому что подчеркивает честность и инициативность соискателя: здесь и в немецком, и в русском вариантах ответов доминирует подлежащее в форме «Я», а интерпретация оппозиции «прежняя работа :: новая работа» выражает направление аргументации со всей очевидностью.

«Трудные» вопросы в рамках биографического собеседования, в принципе, неправомерны, но они включены в целерациональную программу коммуникативных действий интервьюера в сравниваемом корпусе текстов и в немецком, и в русском языке, например:

Вы указали в резюме, что Вы замужем. У Вас есть дети? Планируете еще детей? Когда? // Wollen Sie dem nächst schwanger werden, oder sind sie es schon?

Отметим, что такие провокационные вопросы отличаются «параллельностью» в обеих лингвокультурах, но в немецком варианте имеет место открытая конфронтация и с канонами институциональной коммуникации, основанной на вышедших из кургуазных кодексов общеевропейских ценностях статусно-ориентированного общения, и с правилами соблюдения нормы приватности в межличностных интеракциях. Таким образом, целерациональная программа интервьюера реализуется в данном контексте с помощью негативной формы ценностно-рационального действия, рассчитанной на проверку умения кандидата дать целерациональный ответ, не совершив провоцируемого аффективного действия.

Следует подчеркнуть, что «трудные» вопросы имеют место и в других типах интервью, и стратегическая целерациональная программа участников данной интеракции реализуется в соответствии с конкретными задачами. Так, в **ситуационном (поведенческом) собеседовании** часто используются реальные или гипотетические ситуации, связанные с будущей деятельностью кандидата, чтобы оценить его способности решать определенные проблемы:

Приведите пример ситуации, когда перед Вами стоял выбор между двумя важными заданиями с критическим сроком. Как Вы решали, что сделать, кого задействовать? Каков был результат? // Was würden Sie mit einem Mitarbeiter machen, der häufig zu spät kommt?

И русскому, и немецкому кандидату, в принципе, сложно дать ответ, характеризующий его как «универсального солдата», который все может и все знает, поэтому с позиций специалистов-практиков деловой коммуникации предпочтительны личностно-ориентированные ответы, где целерационально доминирует «Я» кандидата:

В такой ситуации всегда стоит выяснить, насколько «важное впереди срочного», что я и делаю. // Ich spreche den Mitarbeiter an, frage nach Gründen, versuche mit ihm eventuelle Probleme zu lösen. Wenn das nicht hilft, drohe ich mit Konsequenzen.

Личность кандидата должна быть проявлена не менее ярко и в **критериальном собеседовании**. Очень часто стандартный вопрос позволяет легко ранжировать кандидатов, поскольку ответ конгруэнтен и дает представление о том, насколько инициативен, честлив потенциальный сотрудник:

Где вы видите себя через пять, десять и пятнадцать лет?/In welcher Position sehen Sie sich in fünf Jahren? // Надеюсь, что буду руководить отделом стратегического менеджмента. // In fünf Jahren möchte ich das Auslandsgeschäft aufbauen.

Изыскательность в русском ответе и сослагательность в немецком, в принципе, однозначно выражают модальность желания, и здесь можно говорить об определенной стереотипичности целерационального оформления ответных реплик.

Отношение к критике также составляет предмет критериального собеседования, и достаточно частотен целерациональный вопрос такого плана:

Опишите ситуацию, когда ваша работа подвергалась критике. // Wie reagieren Sie auf Kritik?

Данные вопросы направлены преследуют цель составить личностную характеристику, поэтому здесь сложно найти универсальное решение. И в русской, и в немецкой коммуникативной практике мы встречаем разные точки зрения, но они актуализируются в личностно-ориентированных перформативных действиях, которые нужны, чтобы избежать упреков в неискренности, уходе от откровенного ответа:

Я от критики не в восторге, но пытаюсь относиться к ней конструктивно. // Kritik finde ich Klasse, weil sie mich immer weiterbringt.

Перформативность коммуникативного действия востребована и в **стрессовом интервью**. Проблема для соискателя заключается в умении не допустить проявления аффекта (отметим, что эмоция может быть самой разной – от смятения до негодования) и достичь рациональной цели показать себя.

Что Вы будете делать, если обнаружите, что равный Вам по должности коллега подделывает отчет о расходах? // Я не совсем понимаю, как этот вопрос относится к моим возможностям исполнять обсуждаемую работу.

Вежливый, статусно-маркированный ценностно-рациональный ответ не подходит, потому что не дает представления о гибкости и находчивости кандидата, которые и проверяются в данном типе интервью.

Коммуникативные действия, совершаемые в пределах собеседования при приеме на работу как близкой к «идеальной» интеракции институциональной коммуникации, следует охарактеризовать как действия, которые:

- ориентированы на презентацию рациональных интенций партнеров, но реализуют не только целерациональную установку, поскольку в их совершении имеет место проявление и ценностной составляющей, и аффекта;
- достигают коммуникативного эффекта путем направленного применения когнитивной составляющей социокоммуникативной компетенции, но не являются стратегическими, как понимает перлокутивно «запрограммированные» действия Ю. Хабермас, поскольку в рамках данного жанра институционального дискурса фактор «лучшего аргумента» актуализируется в максимальной степени;
- обусловлены личностной, а не статусной ориентированностью ответов соискателя, в которых целерационально доминирует его «Я», усиленное перформативностью в некоторых видах интервью.

Таким образом, можно говорить о том, что современные коммуникативные процессы в институциональном дискурсе определяет тенденция к проявлению личностного параметра, и несомненную перспективу представляет исследование коммуникативного действия в его соотносительности с типом актора, субъекта интеракций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данной статье примеры приводятся по данным следующих интернет-сайтов: <http://www.gollandia.com>; <http://www.personal.net.ua>; <http://www.prospect-job.ru>; <http://www.wiwo.de>; <http://www.absolit.de>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, М. Основные социологические понятия // Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–643.
2. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
3. Логман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Логман. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
4. Schmidt, U.A. Bewerbung und Vorstellungsgespräch aus dialoglinguistischer Sicht / U. A. Schmidt // Linguistik online 5. – 2000. – № 1. – S. 20–36.